

Хроника научной жизни

XVIII ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Андрей ЗАОСТРОВЦЕВ

Андрей Павлович Заостровцев —
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Международный центр
социально-экономических
исследований (МЦСЭИ)
«Леонтьевский центр»
(РФ, 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25).
E-mail: zao-and@yandex.ru

15–16 февраля 2019 года в Санкт-Петербурге в Леонтьевском центре состоялась XVIII ежегодная международная конференции из цикла «Леонтьевские чтения». Организаторы конференции решили посвятить ее институциональной экономической теории. В российском экономическом сообществе относительно нее существуют разные, порой диаметрально противоположные точки зрения: относящие себя к мейнстриму экономисты полагают, что это просто часть общей экономической теории; их оппоненты из противостоящих основному течению направлений нередко рассматривают ее как методологический и парадигмальный вызов неоклассическим доктринам. В этом плане состоявшийся обмен мнениями стал продолжением начатого на прошлой конференции разговора о текущем состоянии экономической теории. Однако тематика нынешней конференции оказалась значительно шире: ее участники чаще всего не уходили в дискуссии о том, что есть институциональная экономика, а представляли свои исследования общественных процессов в рамках того, что они к ней относят.

В своем фундаментальном докладе «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): 30 лет

спустя» **Р. М. Нуреев** (Финансовая академия при Правительстве РФ, Москва) отметил исследования «Виртуальной мастерской в общественных науках», в которых эта проблема впервые анализировалась в 2001 году (десять лет спустя после начала рыночных реформ). В настоящее время страна приблизилась к 30-летию этой даты. В начале доклада показаны институциональные изменения домохозяйств по схеме «ожидания — реальность», рассмотрен ряд характеристик. В частности, отмечено, что модель работника в СССР можно назвать «работник-винтик», согласно ей главные черты советского работника — это исполнительность и безынициативность. В качестве ожидаемого изменения предполагалось формирование работника американского типа с мобильностью и креативностью как основными чертами. Вместо этого в 1990-е годы сформировались тип «людей-улиток», озабоченных только собственным выживанием. В первом десятилетии XXI века, как полагает докладчик, произошел переход к исполнительному работнику японского типа: немобильному, колеблющемуся между патернализмом и индивидуализмом; в следующее десятилетие мобильность несколько возросла.

В дополнение к этому рассматривались такие институциональные характеристики домохозяйств, как потребительское и инвестиционное поведение, бытовая коррупция, занимаемое место в структуре общества и вовлеченность в гражданское общество. В отношении последней ожидания абсолютно не оправдались: они заключались в том, что гражданское общество станет одним из базовых институтов. Однако спрос на самоуправление на протяжении всего охваченного исследованием времени являлся отложенным, а институты гражданского общества до сих пор не пользуются доверием ни у граждан, ни у государства.

Далее в докладе анализировались институциональные изменения фирм и государства. В качестве главной характеристики первых выделялось их наличие в качестве самостоятельных субъектов, при этом в ходе рыночных реформ многие исследователи ожидали формирования независимых легальных фирм. На деле в XXI веке происходило развитие квазифирм в рамках воспроизводящей системы власти-собственности. В настоящее время продолжается их функционирование внутри этой укрепляющейся системы.

И, наконец, институциональные изменения государства. Ожидался переход от диктата государства над обществом к альтернативной модели — государство на службе обществу. В первое десятилетие XXI века произошло частичное восстановление диктата государства над обществом, и на протяжении второго десятилетия продолжается укрепление вертикали власти. Собственность

защищается государством лишь на основании фаворитизма, сложилось «государство тотального рентоискательства».

Удачно дополнило доклад Р. М. Нуреева последовавшее за ним выступление историка **Д. А. Коцюбинского** (Санкт-Петербургский государственный университет) «Цивилизация ресентимента: институционально-исторический анализ русской политической культуры». Он раскрыл глубокие исторические корни того положения дел, которое было описано предыдущим докладчиком. Европа развивалась как правовая цивилизация, основанная на презумпции наличия у каждого человека права, которое не может отнять никто более сильный, включая власть. Российская цивилизация основывается на противоположном принципе: право в ней является инструментом, которым манипулирует сильный. Данная тенденция действует на протяжении всей отечественной истории. Вторжение монголов в XIII веке разрушило древнерусскую модель, хотя и конфликтную, но всё же правовую. На ее место встала «легитимность ярлыка» – легитимность силы. Северо-восточная Русь в дальнейшем органически вросла в ордынскую систему. Получение властных полномочий не по праву, а «по произволу» становится в парадигме русской политической культуры символом, знаком легитимной, «настоящей» власти.

Обратившись к современности, автор доклада подчеркнул, что в этой зависимости от исторического пути коренится удивительное для людей Запада и прозападно настроенных россиян равнодушие к фальсификациям выборов. Дело в том, что в российском социуме присутствует ожидание от власти не правовой, а чисто силовой легитимности. Недавняя история России убедительно показала, что побеждающий на свободных выборах обладает наименьшей легитимностью в глазах масс. И наоборот: чем более фиктивной является выборность — тем выше легитимность.

Обратившись к истории Московии, докладчик пришел к выводу о наличии вполне самостоятельного и исторически уникального феномена российской цивилизации ресентимента — самодержавно-холопской гражданско-политической системы, основанной на рабской морали сверху донизу. В то же время Россия не является тем, что современные политологи называют «провалившимся государством»: цивилизация ресентимента готова к усвоению всего того, что помогает ей выживать и побеждать любой ценой, невзирая ни на какие моральные табу и самоограничения. Россия никогда не являлась и никогда не сможет стать Европой по причине того, что еще в ордынский период ее гражданско-политическая культура сформировалась как «антиевропейская».

Р. И. Капелюшников (НИУ ВШЭ, Москва) выступил против некоторых фундаментальных положений институциональной

теории, представленных Дугласом Нормом и его соавторами и получивших в последнее время широкое признание. Характерно и название доклада: «Contra панинституционализм». Основные его идеи можно сформулировать в виде следующих тезисов.

1. В основе панинституционализма лежит квазиисторический нарратив о том, что в доиндустриальных обществах права собственности отсутствовали даже формально или существовали только на бумаге, постоянно подвергаясь хищническим атакам со стороны элит.

2. Исторические свидетельства говорят, что это фикция: охраняемые права собственности стары как мир и существовали в сотнях самых разных стран и на разных исторических отрезках.

3. Если из-под панинституционализма убрать эту опору, рушится вся конструкция: от его объясняющей способности остается только банальный вывод, что общества, погруженные в институциональный хаос, а также социалистические страны не могут быть экономически успешными.

4. Характерный методологический прием панинституционализма заключается в том, что институциональная эволюция изображается в черно-белых тонах: либо частные права собственности есть, либо их нет. При этом не предлагается никакой метрики для оценки степени защиты прав собственности.

5. Другая концептуальная опора панинституционализма тоже при ближайшем рассмотрении рассыпается: если история знает множество примеров, когда государство выступало гарантом прав собственности, то ему нельзя отводить роль демиурга именно современного экономического роста, и тогда переход от мальтузианского к шумпетерианскому росту должен быть связан с действием каких-то иных факторов, не имеющих прямого отношения к деятельности государства.

6. Понятно, что в условиях постоянных конфискаций имущества и грабительских налогов экономическая активность останавливается. Но отсутствие катастрофических форм вмешательства государства — недостаточное основание, чтобы отводить ему роль главного участника процесса экономического роста.

7. Всё сказанное не значит, что права собственности не важны: напротив, именно потому, что они так важны, их в том или ином виде должно поддерживать любое институционально стабильное общество. В доиндустриальном мире они были настолько распространены, что ссылками на них невозможно объяснить прыжок от мальтузианского к шумпетерианскому экономическому росту.

П. А. Ореховский (Институт экономики РАН, Москва) представил доклад «От перманентной революции к институциональному дизайну: эволюция авторитетного дискурса российских

экономистов». Эволюция взглядов на действующие в обществе социально-экономические институты предполагает наличие процесса изменений когнитивности. Этот процесс не является плавным, кумулятивным. В развитии имеют место фазы: (1) революционного сдвига, в ходе которого меняются и основные темы исследования, и сама риторика; (2) совершенствования, когда разрабатываются инструменты анализа, собираются и дополняются необходимые данные; (3) когнитивного застоя, который характеризуется отсутствием дискуссий о посылах институционального анализа, при этом резко увеличивается количество работ, связанных с измерениями, рейтингами, качеством статистических результатов. Отсутствие кумулятивности связано с травматическим переживанием, вызванным экзогенными по отношению к экономической науке событиями (репрессиями, финансовым крахом, военными действиями и т. д.).

В докладе выделены три таких когнитивных цикла. Первый связан с троцкистской критикой «обуржуазившегося» бюрократического большевистского руководства в конце 1920-х — начале 1930-х годов и последующими сталинскими репрессиями. Вопрос о том, являлся ли советский строй социалистическим или это государственный капитализм, остался открытым, хотя в XXI веке он перестает быть таким острым и актуальным. Второй когнитивный цикл связан с дискуссиями «рыночников» и плановиков-«кавалеристов» в 1960-е годы и последующими косыгинскими реформами. Травматическое переживание реформаторов той поры, связанное с вводом войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, привело к последующему когнитивному застою. Третий цикл обусловлен радикальными рыночными реформами в странах бывшего СССР в 1990-е годы. Незаконченность реформ и неудовлетворенность их результатами обусловила переход к поискам необходимого институционального дизайна, которые постепенно сменяются очередным когнитивным застоєм в конце 2010-х годов.

И. В. Розмаинский (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «Старый институционализм и посткейнсианство: сходства и различия» выделил важнейшие предпосылки современного экономического мейнстрима и, как он сформулировал, «немейнстрима». К предпосылкам первого относятся оптимизирующее поведение экономических агентов (экономическая рациональность), методологический индивидуализм (макроэкономические функции и результаты функционирования на макроуровне объясняются поведением отдельных агентов), а также принцип равновесия. Предпосылки второго — ограниченные счетные и познавательные способности экономических агентов, неэргодичность мира

(когда прошлое необратимо, а будущее неопределенно), методологический холизм (целое больше, чем сумма его частей, а поведение отдельных агентов может определяться социальными или групповыми нормами).

Двумя ведущими школами «немейнстрима» выступают старый институционализм (Торстейн Веблен, Джон Гэлбрейт, Джефффри Ходжсон) и посткейнсианство (Пол Дэвидсон, Хайман Мински, Лэрри Рэй). В докладе были рассмотрены основные типы неоптимизирующего поведения с точки зрения старых институционалистов и посткейнсианцев.

Кризис современной экономической науки обусловлен тем, что экономисты загнаны в рамки предпосылок сегодняшнего мейнстрима экономической теории (mainstream economics). Выход из кризиса возможен благодаря созданию целостного подхода, альтернативного неоклассическому. Этот альтернативный подход может быть развит, в частности, на базе синтеза посткейнсианства и старого институционализма.

А. В. Ковалев (Белорусский национальный технический университет, Минск, Белоруссия) обратился к теме «Институционализм и либерализм: сложности взаимодействия». Он выделил две проблемы: истоки теории институтов и институционализм как обоснование государственного вмешательства, когда его воспринимают как инструмент строительства институтов. Цель доклада — сравнить отношение к либерализму ряда экономистов, делавших упор на анализ институтов и анализ с помощью институтов.

В докладе было предложено объяснение общего сдвига в направлении государственного интервенционизма: либерализм, принятый как норматив, наводит на мысль о рациональности агента (в том или ином смысле термина «рациональность»), а из несоответствия поведения агента в жизни тому, которое предполагается в модели, делается вывод, что плох агент. Кроме того, с термином «либерализм» и большинства голосов на выборах не соберешь, и в мейнстрим не попадешь...

Заключительную часть доклада А. В. Ковалев посвятил трактовке проблемы государственного вмешательства Карлом Менгером.

Представленное на обсуждение исследование **А. А. Яковлева** и **Д. С. Иванова** (НИУ ВШЭ, Москва) называлось «Административный ресурс» как фактор инвестиций в России: результаты эксперимента в рамках массового опроса». Согласно данным опроса, 29% российских предпринимателей оценивают личные контакты с региональными и местными чиновниками как важный фактор для их бизнеса, причем эти контакты более важны для инвесторов

(37% против 27% у фирм без инвестиций). Важность контактов с чиновниками меньше в регионах с более низкими административными барьерами.

Л. И. Полищук (НИУ ВШЭ, Москва) в своем докладе «Общественно-государственное партнерство: теория и российская практика» констатирует, что растущая общественная активность россиян носит отчетливо выраженный неполитический характер и сосредоточена на решении конкретных утилитарных задач. Такое направление энергии гражданского общества связано с глубоко укоренившимся в России пессимизмом относительно использования механизмов и инструментов демократии для решения общественных проблем.

Оценки гражданской культуры и низового социального капитала, рассчитанные для российских городов по материалам проекта «Георейтинг» НИУ ВШЭ, свидетельствуют о том, что гражданская культура оказывает положительный эффект на качество городского управления, тогда как влияние низового социального капитала отчетливо негативно. Отрицательное воздействие общественно-государственного партнерства на качество государственного управления не позволяет рассматривать низовой социальный капитал как безусловно полезный для общества ресурс. В российских городах с низким уровнем гражданской культуры прямой эффект преобладает над косвенным, и низовой социальный капитал повышает качество жизни. В городах с более высокой гражданской культурой последняя вытесняется низовым социальным капиталом, отдача на который оказывается отрицательной.

Темой выступления **Е. А. Капогузова** (Омский государственный университет) стало «Инициативное бюджетирование как дискретная институциональная альтернатива бюджетного процесса». Инициативное бюджетирование (ИБ) — это совокупность практик вовлечения в бюджетный процесс граждан, объединенных общей идеологией гражданского участия, а также сфера государственного и муниципального регулирования участия населения в формировании и выборе проектов, финансируемых за счет расходов бюджета, и в последующем контроле их реализации. Практический опыт показал, что необходимо сочетание традиционных и инновационных практик, социальное и прямое обучение (бюджетная грамотность), поддержка практики гражданской вовлеченности (преодоление инертности), разработка и реализация дорожной карты в сфере ИБ и сопряжение ее со стратегическими документами развития.

Ю. В. Латов (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) развил положения доклада Р. М. Нуреева (см. выше), выступив на

тему «Институциональный анализ трансформации российских домохозяйств за 30 лет: от развития к выживанию и обратно». Наиболее яркой частью доклада стала сравнительная оценка населением трех эпох: брежневской, ельцинской и путинской (современная Россия). Опрос проводился в 2017 году.

Методика подсчета состояла в следующем: каждому проценту респондентов, отмечающих типичность для данного периода какой-либо позитивной характеристики, присваивался +1 балл, а каждый процент респондентов, считающих типичной для этого периода какую-либо негативную характеристику, интерпретировался как -1 балл. Согласно этим расчетам, современные россияне оценивают СССР при Брежневе в +720 баллов; Россию при Ельцине в -345 баллов; современную Россию при Путине в +305 баллов.

Современная Россия, согласно представлениям россиян, смогла восстановить значительную долю тех советских достижений, которые были потеряны при Ельцине, но при этом оценка нынешнего состояния остается существенно ниже оценки советских времен.

М. В. Курбатова (Кемеровский государственный университет) представила доклад «Эффективный контракт преподавателя: эффекты реализации проекта». Были отмечены следующие последствия реализации проекта эффективного контракта в высшем образовании.

1. Вместо развития рынка преподавателей и конкуренции профессионалов произошло усиление административного давления на преподавателей.

2. Появились разнообразные механизмы статистически фиктивного роста зарплат, произошел отбор на административные должности лиц, готовых обеспечивать этот фиктивный рост.

3. Под внешним давлением, создаваемым показателями оценки деятельности, преподаватели вузов нарастили публикационную активность, однако и эти результаты часто фиктивны (появился и расцвел рынок журналов, публикаций, цитирований).

Вместо преподавателя вуза, предоставляющего качественный и дорогой труд, результатом реализации проекта эффективного контракта стал зависимый от вышестоящих администраторов преподаватель, работающий на показатель и получающий более высокую (хотя и не всегда) относительную заработную плату за более интенсивный труд.

С. А. Афонцев (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва) обратился к вопросам внешнеторговой политики. Его доклад «Институциональный якорь вместо инсти-

туционального склероза: от чего зависит устойчивость мировой экономики к протекционизму?» включал три раздела: внешнеторговая некооперативность, динамика внешнеторговых барьеров, торговая политика и рост. Отмечалось, что в последние годы глобальная экономика столкнулась с явно выраженным снижением уровня кооперативности в регулировании международной торговли. Последние инициативы руководства США впервые за несколько десятилетий дали повод всерьез говорить об угрозе масштабных торговых войн в мировой экономике.

На рынках и в экспертных кругах преобладает точка зрения, согласно которой результатом политики давления со стороны США станут скорее уступки стран — адресатов такого давления, чем их ответные меры. Однако история мировой экономики изобилует примерами, когда амбиции политиков и конфликты интересов приводили к воплощению в жизнь сценариев, в конечном итоге не устраивавших все стороны.

П. М. Лукичев (Балтийский государственный технический университет «Военмех», Санкт-Петербург) в докладе «Институциональные аспекты современного рынка труда» пришел к выводу, что перспективы развития национальных рынков труда всё больше определяются глобальной конкуренцией. Для того чтобы выстоять, каждая страна должна постоянно совершенствовать систему подготовки кадров высшей квалификации, ориентируясь на те требования, которые предъявляет к работнику меняющийся рынок труда. Целый ряд черт принципиально отличает его сегодня от ситуации 50–60-летней давности. Важнейшей из них является сокращение рабочего времени при постоянном увеличении количества, качества и разнообразия производимых товаров.

В докладе «Теория денег в XXI веке (криптовалюта) и теоретическое наследие австрийской школы» **А. И. Яковлев** (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ») аргументировал тезис о том, что появление криптовалюты отрицает методологические основы современных теорий денег. Это явление принципиально не интегрируется в практику современного капиталистического общества, тем самым отрицая построенные на ее базе основные направления современной денежно-кредитной политики в рамках как монетаризма, так и неокейнсианства.

О. П. Чекмарев (Санкт-Петербургский аграрный университет) в докладе «Цели и средства экономической деятельности в моделях институционализма: проблемы взаимопревращений» предложил развернутую схему учета внешних и внутренних ограничений в рамках концепции личных издержек. В ней учитываются

как физиологические процессы, так и эмоциональная сфера. Центральное место занимает мотивационный процесс.

А. П. Заостровцев (Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург) поставил вопрос об институциональной конкуренции. Автор доклада сделал попытку классифицировать ее в зависимости от уровня, на котором она имеет место. Основное внимание уделялось международной институциональной конкуренции. Показано, что нет смысла рассматривать ее вне цивилизационной парадигмы. Важнейшее место в этой парадигме занимает конкуренция между ведущими странами, принадлежащими к одному из двух типов мировой цивилизации — правовой или силовой. Эта конкуренция по вопросу о легитимности власти: одна сторона пытается разнообразными методами подорвать легитимность другой. Столкновение носит антагонистический характер и не может закончиться примирением сторон. В настоящее время наблюдается очередной этап обострения межкультурной институциональной конкуренции: Россия и Китай играют против США и Западной Европы.

А. С. Скоробогатов (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) рассматривал «Организационные основы распределения власти и богатства». В частности, докладчик обратил внимание на то, что различие доступа к организации является важнейшим источником неравенства силовых возможностей людей.

Общество строится как контракт между группами с различными организационными возможностями и проистекающим из них различным силовым потенциалом. Последнее порождает иерархию — совокупность закрытых каст, отношения между которыми строятся по вертикали, так что конкуренция возможна лишь внутри каст, но не между ними. В то же время в соответствии с местом в иерархии формируется система прав собственности и соответствующее ей распределение дохода по сравнительному силовому потенциалу.

Либертарная теория государства рассматривалась **П. В. Усановым** (Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург) в докладе с тем же названием. По мнению докладчика, государство — относительно новый институт, который уже испытывает кризис: его теснят надгосударственные союзы, частные корпорации, децентрализованные порядки.

Основные тезисы доклада: (1) государство существует не более 5 тыс. лет, человечество же — более 100 тыс. лет; (2) в некоторых обществах государство возникло лишь несколько веков назад; (3) на протяжении периода существования государств имеет место множество примеров безгосударственных обществ; (4) нет

никаких оснований полагать, что государство будет существовать вечно; (5) нет таких задач, которые бы не могли быть решены людьми без государства.

В конце доклада был сделан следующий вывод: государство — это паразитический институт, обеспечивающий посредством налогов и монополии на насилие жизнь одних людей за счет других.

Ю. В. Кузнецов (журнал «Экономическая политика», Москва) в своем докладе задался вопросом: «Институты и идеи: что появляется раньше?» Для ответа на него докладчик провел аналитический разбор некоторых утверждений из классической работы в области новой институциональной теории — книги Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». В частности, он обратил внимание на высказывание авторов книги о том, что одни и те же институты приводят к разным результатам в зависимости от контекста: например, институт выборов по-разному функционирует в обществах с политической конкуренцией и без нее. Но на каком основании утверждается, что это один и тот же институт? Очевидно, что внешне сходным процедурам люди из разных обществ придают совершенно разный смысл — отсюда и разные результаты. Вряд ли следует отождествлять институты на основании внешнего сходства процедур без учета идей, существующих в сознании людей.

Затем докладчик перешел к анализу концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, посвященной формированию верховенства права для элит. С одной стороны, авторы формулируют концепцию интересов как результата взаимодействия предпочтений, имеющих у актора альтернатив и каузальных убеждений, — концепцию, в целом совпадающую с методологическим субъективизмом австрийской (праксеологической) экономической школы. С другой стороны, при описании возникновения практики верховенства права для элит авторы книги заявляют, что «большинство элит в принципе (in principle) выигрывают от четко определенных, беспристрастно применяемых правил», но не объясняют, каким образом этот существующий «в принципе» (то есть в сознании современного исследователя) выигрыш преобразуется в субъективно осознаваемые альтернативы и каузальные убеждения конкретных исторических акторов. Фактически творцы современной неоинституциональной теории постулируют, что некие «объективные» (существующие вне человеческого сознания и контроля) интересы неким мистическим образом пробиивают себе дорогу в истории, непредсказуемо и произвольно возникая в сознании исторических акторов. Иными словами, новая институциональная экономическая теория в этой части представляет собой историософскую схему «самореализации

надчеловеческой реальности в человеческой истории», аналогичную марксизму.

Доклад **А. А. Раквиашвили** (Аграрный университет, Тбилиси, Грузия) назывался «Эволюционные тупики развития институтов и механизмы выхода из них». Согласно его определению, тупик развития — это деструктивный институт, за которым стоит власть бюрократов и политиков. Докладчик обрисовал замкнутый круг: деструктивность как искажение стимулов предпринимателей — торможение развития и появление новых проблем — увеличение регулирования, которое в свою очередь усиливает деструктивность. Выход из тупика — это сокращение власти бюрократов и политиков. Оно может произойти как в результате случайного стечения обстоятельств, так и в результате целенаправленной деятельности.

А. Я. Рубинштейн (Институт экономики РАН, Москва) обратился к теме «О финансировании опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики (опыт институционального анализа)». Он рассмотрел патерналистский провал государства применительно к журнальным публикациям научных сотрудников и вузовских преподавателей.

Подход к фундаментальной науке как к обычной отрасли хозяйственного комплекса возродил псевдонаучный метод оценки научных результатов — провозглашение ФАНО общественного интереса в виде роста числа журнальных публикаций. Став жертвой «закона Гудхарта», теперь и ученые стремятся повысить свою «урожайность». Это породило соответствующий рынок (можно назвать его, по аналогии с термином Джорджа Акерлофа, «рынком лимонных публикаций»), характеризуемый ростом предложения опубликовать за определенную плату статьи в журналах. Этот рынок, возникший как следствие «изъяна общественного выбора», привел к известному феномену «неблагоприятного отбора», когда качественные работы и журналы стали вытесняться плохими статьями и «мусорными» изданиями.

Нет оснований рассчитывать на то, что наше государство откажется от своего ошибочного выбора. Похоже, что, кроме опоры на количественные показатели, иных способов управления бюрократия не имеет. Нужна институциональная модернизация, направленная на создание корректного механизма стимуляции роста журнальных публикаций. Необходимо формирование рынка публикаций, спрос на которые предъявляют научные журналы, чья миссия заключается в распространении знания и коммуникации ученых, а предложение формируют научные сотрудники исследовательских организаций, производящие это знание. В этом случае издержки журналов кроме обычных издательских расходов

должны включать авторский гонорар и оплату труда рецензентов. Надо исходить из фундаментальных принципов интеллектуальной собственности — предоставлять автору возможности получить не только заслуженную славу, но и материальное удовлетворение от плодов своего труда.

Основой «журнальной реформы» могла бы стать федеральная программа поддержки научных журналов, направленная на финансирование расходов журналов, включая гонорар авторам опубликованных статей и оплату труда рецензентов, а также выделение целевых субсидий научным библиотекам для оплаты подписки на основные журналы. Наиболее эффективным институтом финансового обеспечения указанной программы может стать создание соответствующего эндаумент-фонда для научных журналов с последующим пополнением этого фонда за счет поступлений от индивидуальных бюджетных назначений и маркированных налогов. Пропорция распределения инвестиционного дохода эндаумента между грантами для журналов и целевыми субсидиями научным библиотекам на оплату подписки на журналы может быть разной, включая расходование всех ресурсов программы только на обеспечение журнальной подписки. Эту реформу следует дополнить конкурентным механизмом распределения грантов между научными журналами пропорционально их ежегодно определяемым рейтингам. Возможен и более рыночный подход, основанный на предпочтениях научных библиотек в подписке на соответствующие журналы.

Завершал конференцию доклад **В. М. Полтеровича** (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва) «К общей теории социально-экономического развития: культура и механизмы координации», в котором предложен новый подход к пониманию социально-экономического развития, основанный на рассмотрении эволюции механизмов координации.

В начале выступления был проведен разбор теорий общественного развития, объясняющих его посредством обращения к географическим, институциональным или культурным причинам. Названные причины объединяет общий недостаток — монокаузальность. Автор выделил два типа развития — догоняющее и лидирующее. С помощью теории догоняющего развития можно объяснить природу «экономического чуда» как результата взаимосвязанных изменений в культуре и институтах, а также технического прогресса. В рамках лидирующего развития на каждом этапе эволюции возникали разные виды сочетаний трех основных механизмов координации — конкуренции, власти и сотрудничества. Для прогресса в формировании институтов экономической и политической конкуренции постулируется важность идеологии.

Экономический рост привел к повышению уровня доверия и толерантности. Одновременно произошло расширение планового горизонта. Наблюдалось снижение уровня принуждения и повышение роли сотрудничества.

Ekonomicheskaya Politika, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 178-191

Andrey P. ZAOSTROVTSEV, Cand. Sci. (Econ.). International Centre for Social and Economic Research (ICSER) “Leontief Centre” (25, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation).

E-mail: zao-and@yandex.ru